

ЕСЛИ у вас есть дети или если даже у вас нет детей, то вы все равно знакомы с творчеством этого композитора. Потому что его песни любят и маленькие и большие.

Вспомните: «...С голубого ручейка начинается река...», «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам...», «Вы слышали, как поют дрозды?», «Травы, травы, травы не успели от росы серебряной согнуться...».

Думаю, что почти каждый, кто прочтет эти строки, тут же сможет их пропеть, настолько яркий и запоминающийся музыкальный язык песен Владимира Шаинского.

На авторских концертах композитора, которые проходили недавно в Большом концертном зале «Октябрьский», зритель от мала до велика дружно подпевал и «Кузнечика», и «Голубой вагон», и «Радионяню»... И ведь что интересно! Пели не только дети с их непосредственностью, но и сдержанные взрослые, молодые на глазах (нисколько не преувеличивая), энергично напевали подчас совсем «не взрослые» строчки многих и многих его жизнерадостных песен.

— Владимир Яковлевич, действительно мне не раз приходилось наблюдать, как какой-нибудь карапуз всего лет 3—4 от роду с удовольствием выводит: «Не плачь девчоночка...». Любят дети и ваши «Травы» и «Дрозды»... В то же время вполне солидные люди охотно сплуют хором ставшего уже почти классикой «Крокодила Гену» и «...Это мы не проходили, это нам не задавали...» Удивительно все же быстро запоминаются эти мелодии, так просто они и естественны.

— Вы знаете, получается как-то так, что почти все мои взрослые песни в какой-то мере и детские. Я заметил: если нравятся они мамам и папам, полюбят их и дети. Поэтому говорить о каком-то специальном творческом методе, например, для детских песен не приходится. Просто пишу их от всей души, так же, как для взрослых.

А для достижения той простоты, о которой вы говорите и которой, кажется, достичь очень легко, использую весь арсенал своих знаний, все то, что я знаю, когда писал симфонии, камерную музыку. И постепенно довожу сочинение до той простоты, которая начинает меня удовлетворять.

Мне вообще кажется, что любое совершенное произведение искусства должно быть в чем-то простым. Я считаю, что «Давид» Микеланджело — очень простое произведение, что симфонии Бетховена, несмотря на всю сложность своей формы, где-то по своей идее, по своему демократизму, в сущности, просты. Наконец, даже «Фауст» Гете — тоже простое сочинение.

А в жанре песни, по-моему, можно решать любые художественные задачи. Песня дает для этого простор — дело ведь не в размере произведения, не в том, что песня «маленькая».

— Многие, и очень хорошие, кстати, композиторы-песенники не имеют высшего музыкального образования. У вас же, насколько мне известно, за плечами две консерватории...

— Видите ли, не только песни, но и другие музыкальные жанры можно сочинять, в общем-то, не обязательно имея диплом об окончании композиторского факультета Консерватории. Пожалуй, к примеру, Венямин Баснер. Он закончил ведь другой факультет, а композицию изучал самостоятельно, но по праву считается высокопрофессиональным, очень одаренным композитором.

Но, с другой стороны, я считаю, еще не было случая, чтобы образование мешало писать хорошую музыку. Нельзя научить человека стать композитором — это правда. Но если у него есть композиторские данные, то школа композиторская играет решающую роль, определяя уровень мастерства, уровень творческого мышления в любом жанре, в том числе и в песне.

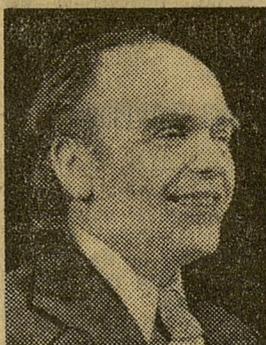
Конечно, вы правы, композиторы без высшего композиторского образования — в большинстве случаев все же песенники. Потому что песня по жанру с некоторых точек зрения гораздо проще, чем камерно-симфоническая музыка или опера, где нужно намного больше технических знаний.

Но в то же время песня — очень точный индикатор композиторской одаренности человека. Потому что без яркой мелодии, без яркой музыкальной темы не может существовать ни хорошая песня, ни сильное симфоническое сочинение. А техничность и мастерскость здесь не спасут.

Если же говорить обо мне, то я после войны закончил сначала Московскую консерваторию по классу скрипки и сразу попал в Государственный эстрадный оркестр

СЛАДКОЕ ТАИНСТВО ТВОРЧЕСТВА

НА ВОПРОСЫ
КОРРЕСПОНДЕНТА
«СМЕНИ»
ОТВЕЧАЕТ
КОМПОЗИТОР
Владимир
ШАИНСКИЙ

РСФСР, которым руководил Леонид Осипович Утесов.

За три года работы познакомился ближе с эстрадой, с современной эстрадной инструментальной. Ведь многие лучшие песни проходили через наш оркестр. Однако время показало, что знаний для того, чтобы самому сочинять музыку, не хватало, а самостоятельно получить их было трудно.

Но мне в жизни, считаю, очень повезло. Я познакомился с замечательнейшим композитором нашего времени, с народным артистом СССР, лауреатом Ленинской премии Кара Абульфасовичем Караевым. Он тогда преподавал в Бакинском консерватории и согласился взять меня к себе в класс.

Так и учился: он в Баку — я в Баку, он в Москву — я в Москву. Пришлось отказаться от всего, с утра до вечера занимался. За два года я выполнил пятилетнюю программу. Написал симфонию, квартет, фортепианную сонату, прелюдию. После окончания второй консерватории меня приняли в члены Союза композиторов.

— Судя по всему, вы тогда и не предполагали, что будете писать песни?

— Да, в значительной мере все произошло чисто случайно. Когда еще учился в консерватории, один знакомый поэт попросил у меня мелодию для эстрадной песни, на которую он мог бы написать слова.

Ну я отдал и, честно говоря, забыл об этом. Закончил учебку, приезжаю в Москву, а он мне показывает стихи, написанные на эту мелодию. В то время передача «С добрым утром!» проводила конкурсы песен по письмам радиослушателей. И когда наша песня прозвучала в эфире, то мы по числу писем получили первое место. А исполняла тогда нашу песню совсем еще юная Алла Пугачева.

Ну вот, а уж после этого я уверовал в свои силы и написал «Проходит кавалерия», которую и сейчас считаю одной из лучших моих песен.

— Владимир Яковлевич, мне известно, что среди некоторых композиторов, да и поэтов тоже, существует мнение, что не обязательно писать такую песню, чтобы люди ее пели. Есть даже несколько полупренебрежительное выражение «бытовая песня», то есть массовая...

— Вы знаете, я считаю, что если песню начинают петь слушатели, так сказать, по велению души, то это высшее проявление успеха, самый главный показатель того, что песня состоялась. Ведь и создается она, чтобы ее пели, и называется поэтому песня, а не кантата.

Конечно, есть очень хорошие песни, которые сам народ не поет по техническим причинам. Но они, оказывая сильное эмоциональное впечатление, живут в сознании людей, в их сердцах.

А вот когда и люди не поют и в памяти не остается, то можно ссылаться на любые причины и все же надо найти мужество и признаться себе, что песня не получилась.

— У вас такое бывало?

у ряда музыкантов, вызывала некоторые возражения. Если текст был сразу всеми признан как удивительно талантливый, волнующий, то музыка, напоминающая по настроению скорее лирическое танго, казалась нам явно не подходящей в данном случае.

И что же? Сейчас это любимейшая народом песня, а кстати, и моя самая любимая из всех песен о Победе. Потому что никто до сих пор не нашел такого необычного, оригинального музыкального решения, никто не сказал о Победе сильнее, чем это сделали композитор Тухманов и поэт Харитонов. Это настоящий гимн Победе — торжественный, трагический и в то же время радостный и сложный, как сама жизнь.

— А как относится к своим песням пятилетний сын?

— О, он большой поклонник моего творчества, хотя сказать, что особенно музыкальный ребенок, я не могу. Конечно, очень любит песню Крокодила Гену, но, как и большинство детей, раньше пел так: «К сожаленью, день рожденью, только раз в году».

— Владимир Яковлевич, сейчас мы гораздо больше стали уделять внимания эстетическому воспитанию детей, особенно в семье. Многие родители стараются как можно раньше отвести своего ребенка в музыкальный театр, в цирк, на выставку, отдать учиться хореографии, музыке. Что помните вы из своих таких вот детских впечатлений?

— Впервые меня повели в оперный театр, когда мне было четыре года. Это была опера Римского-Корсакова «Садко». Потом я уезжал «Сказку о царе Салтане». Мне это все очень понравилось. Какие-то даже музыкальные темы именно так, как они звучали тогда, я помню до сих пор.

У нас в семье вообще любил музыку. Концерты, оперу посещали регулярно. А меня хоть и считали очень музыкальным ребенком, но куда отдать учиться, не знали — музыкантов-то в семье не было.

И только в 9 лет, а это считается уже поздно, я начал заниматься сначала в музыкальной студии Дворца пионеров по классу скрипки, а потом в Центральной музыкальной школе при Киевской консерватории. Но до самой консерватории дойти не удалось — началась война.

В 1943 году, в возрасте 17 лет, пошел в армию: сначала в школу военных радиистов, потом музыкантом в духовой оркестр. Сочинял марши, оркестровал чужие произведения. Там, в армии, кстати, написал самую первую мою песню.

— Скажите, а когда выдается свободное время...

— В свободное время занимаюсь подводной охотой.

— По-моему, довольно редкое увлечение для композитора. И не страшно?

— Конечно, это опасно, особенно зимой. Когда идешь под лед, надо быть предельно внимательным, чтобы запомнить направление, подводные ориентиры, рельеф дна. Иначе можно заблудиться и остаться там навсегда. Что привлекает? Да как сказать, наверное, равные условия для поединка между мной и обитателями подводного мира.

— Хотели бы вы, Владимир Яковлевич, вернуться к камерно-симфонической музыке?

— Очень. И даже уже начал работать. Над чем? Пока не буду говорить, из суеверия. Десять лет я не работал в этом жанре. Потому что, занимаясь песней, вдруг понял, что писать симфоническую музыку, как писал раньше, не могу.

Я подумал: почему нельзя продолжать, правда на современной основе, линию Чайковского, Бородина, Моцарта — моего любимого композитора, Бетховена, Баха... Модерновые приемы не должны быть главным музыкальным материалом, их можно использовать скорее в качестве декоративного элемента. В общем, я понял одно: если удастся выполнить свои замыслы, то мне хотелось бы писать симфонию, как песню, а песню — как симфонию...

Беседу вела
Н. НЕКРАСОВА
Фото П. Марина